

9. Природа и природа человека

Отделенные органы

Путешествуя с семьей по Северной Дакоте я неожиданно обнаружил самую отличительную в экологическом отношении черту Homo sapiens. А произошло это так. Заехав на небольшую улицу с двусторонним движением, мы вдруг оказались перед едущим впереди велосипедистом и должны были снизить скорость. Небольшая ограда справа не позволяла ему свернуть в сторону, в то же время поток машин в противоположном направлении препятствовал обгону и вынуждал нас следовать за велосипедистом на протяжении чуть ли не мили.

Ведя машину на непривычной для меня малой скорости, я стал размышлять о некоторых деталях этого "препятствия дорожному движению", которые при других обстоятельствах остались бы незамеченными. Думая о том, что в один прекрасный день езда на автомобиле может остаться приятным воспоминанием, я стал изучать сумку, привязанную к сидению на заднем колесе велосипедиста; в тот момент меня интересовало, сколько запасной одежды можно в нее положить, если путешествовать на двух, а не четырех колесах. Я отметил также загорелые мышцы ног велосипедиста и равномерный ритм его педалей. Кроме того, я заметил короткую жесткую проволочку, прикрепленную к козырьку его шапочки. На конце проволоки, в нескольких сантиметрах от лица, находилось маленькое круглое зеркальце, достаточное, чтобы обеспечивать поле заднего обзора. Это позволяло велосипедисту не поворачивать голову и не подвергать себя дополнительной опасности потерять равновесие.

Итак, для меня стало очевидным, что у велосипедиста есть "глаза на затылке". Я понял, что для велосипедистов, едущих по заполненной автомобилями дороге, иметь простое и надежное средство заднего обзора жизненно важно. Затем я вспомнил о Дарвине.

Продолжая путешествие по Северной Дакоте, я не прекращал размышлять о выживании человека как вида. После того, как велосипедист пропал из моего поля зрения в заднем зеркальце (устройстве, которое я считал само собой разумеющимся), я представил себе, сколько должно было пройти поколений, чтобы у человека закрепились редкие, благоприятные для выживания, черты. Мне стало ясно, например, что машинная эра слишком коротка, чтобы в результате естественного отбора у нас, например, закрепились глаза на затылке.

Однако у кроликов это получилось! Я вспомнил, как в детстве был поражен, узнав, что у кроликов глаза расположены с двух сторон головы для того, чтобы расширить поле зрения, в том числе поле заднего обзора. Глаза на затылке — результат эволюции, позволяющий им выжить в условиях преследования хищниками [1]. Заднее эволюционное зрение не вызывало у кроликов никаких особых проблем. Незначительным поворотом головы кролик может покрыть все 360 градусов, а тот факт, что его глаза не смотрят строго вперед, не является недостатком. Образ жизни кролика не требует точного определения глубины зрения, как это происходит, например, у обезьян или человека за счет расположения глаз в фронтальной плоскости и стереоскопического зрения.

Для обезьян, с другой стороны, заднее зрение было менее необходимо для выживания, чем глубина зрения. Для успешного передвижения с ветки на ветку любая ошибка в определении расстояния могла быть фатальной; это повлекло за собой не только перестройку лап (появились хватательные пальцы), но и перестройку черепа таким образом, чтобы рядом стоящие глаза могли определять расстояние от ветки до ветки с точностью до сантиметра [2]. Жизнь в лесу привела в итоге к полезной комбинации рук и острого бинокулярного зрения. Позднее, некоторые потомки этих существ, по какой-то причине, стали жить на земле. В новой нише преимущества дальновзоркости зрения и хватательные навыки могли использоваться для новых целей. В конце концов, эти навыки привели к широкому использованию инструментов. Инструменты (включая и оружие) позволили потомкам лесных обезьян выполнять на земле такие операции, которые не были первоначально заложены в их генах [3]. Заточенные камни могли разрезать то, что было не под силу зубам; они могли также заменять поломанные зубы. Пустые тыквы (а позднее сплетенные и вымазанные глиной корзины, а еще позже — обожженные глиняные сосуды) позволили носить больше воды на большее расстояние от реки, чем две пригоршни руки.

Таким образом, возникла популяция существ, чей образ жизни требовал использования внешних инструментов в дополнение к природным органам. Как только существа обнаружили, что использование отделенных органов дает преимущества (задача всякого инструмента), они стали подвергаться новому давлению со стороны естественного отбора. Теперь использование инструментов стало неотъемлемой частью их метода адаптации к среде обитания; те, кто обладал большими способностями придумывать и использовать инструменты оказались (в среднем) более продуктивными в смысле потомства, чем те, кто такими способностями не обладал. Короче, начался естественный отбор, основанный на способности изготавливать и использовать "отделенные органы". До этого естественный отбор касался лишь органов, составляющих одно целое с телом существа.

Человек как протезированное животное

Природа в этом месте подошла к эволюционному прорыву. Расширение природных органов человека прошло длинный путь, начиная от каменных топоров. Некоторые из вспомогательных искусственных органов даже переместились вглубь человека. Любой, у

кого искусственные зубы (или даже только одна пломба), может легко оценить технические преимущества от такой замены. Дефекты или повреждения других органов также могут исправляться искусственной заменой. Любой, носящий очки, может легко убедиться в полезности "отделенных органов", хотя, может быть, никогда и не думал об очках таким образом. Его острота зрения зависит от внешних вспомогательных приборов, восполняющих недостатки органических линз глаз.

Для некоторых человеческих особей наличие усложненных отделенных органов представляет собой нечто большее, чем комфорт. Для них это вопрос жизни или смерти. На ум приходит несколько моих друзей, чье сердце остановилось и было восстановлено хирургическим путем. Для этих пациентов жизненно важными были не только хирургические инструменты (продолжение рук хирурга), но и машина искусственного дыхания, временно заменившая сердце и легкие. Тысячи людей, у которых отказали почки, смогли продолжать жить благодаря присоединению к машине, выполняющей функцию очищения крови (гемодиализ).

Искусственная нога представляет собой инструмент, заменяющий, по крайней мере, некоторые функции естественной конечности. Термин "протез" относится, прежде всего, к области хирургии, занимающейся замещением отсутствующих органов или частей организма [4]. Это может показаться довольно далекой и мрачной темой, но все человеческие существа, живущие не в тропическом поясе, вынуждены использовать то или иное "протезирование", например, одежду. Homo sapiens выживает за счет шкур и меха — естественного защитного покрытия, отобранного у других животных. В этом смысле, наши туфли могут служить своего рода протезом копыт, которыми мы не обладаем от рождения. Эволюционное и экологическое значение подобного протезирования заключается в том, что благодаря ему человечество смогло развиваться гораздо успешнее, чем в случае использования только собственного тела [5].

По ходу истории человек научился использовать протезы без необходимости убивать животных: путем стрижки шерсти, выделывания из нее ниток, вязания и шитья одежды. Сравнительно недавно стало даже возможным вязать и ткать без использования (домашних) животных, а на основе химически синтезированных нитей (из производных нефти или угля).

Экологические следствия протезирования не были замечены ни социологами, ни биологами, поскольку данный термин относили сугубо к медицине. Но эволюционный прорыв природы можно понять лучше всего, если рассмотреть его как переход от (а) селективного удержания органических черт, обладающих наилучшей приспособляемостью, к (б) селективному удержанию протезных инструментов, обладающих наилучшей приспособляемостью. Нет необходимости более в эволюции, например, заднего зрения (глаза на затылке), если соответствующий инструмент может разрешить проблему.

Для анализа инструментов как отделенных органов, человека как протезированного существа и комплекса "человек-инструмент" как нового элемента экосистемы, очевидно, требовался новый взгляд на привычные вещи. Тем не менее, у природы были и раньше подобные эволюционные прорывы; их изучение могло бы способствовать прояснению нашей

ситуации.

Когда-то жизнь ограничивалась океаном. Химические процессы, протекающие в живых организмах, с тех пор зависят от влаги. Заселение суши живыми формами могло произойти только при условии, что водонепроницаемая кожная оболочка способна удерживать влажную "внутреннюю среду". Удерживая небольшие кусочки моря внутри себя, организмы смогли выйти из моря и оказались на суше [6]. Спустя сотни миллионов лет природа снова применила подобный приём, чтобы открыть ряд новых ниш. Ранее животные во многом зависели от температуры окружающей среды, их возможности определялись изменениями внешней температуры — слишком высокая температура разрушала ткани, слишком низкая — затормаживала жизненные процессы. Эволюция "теплокровных" птиц и млекопитающих открыла новые ниши в новых климатических условиях, обеспечив животным внутренний гомеостатический мини-климат.

Человек еще дальше развил природный принцип "самообособления и самоконтроля", введя центральное отопление и кондиционирование жилищ. Если мини-море или мини-климат, замкнутые внутри организма это часть организма, то газовые плиты, холодильники и термостаты, вообще говоря, можно считать устройствами протезирования. Они представляют собой отделенные органы расширенных человеческих существ. Стены наших зданий и корпуса наших автомобилей (подобно эскимосским меховым курткам) выполняют роль протезов, которыми мы оснастили наши расширенные "я", создавая в них мини-окружающую среду.

Зачав человека, природа изобрела новый способ взаимодействия между организмом и средой, расширив условия, первоначально необходимые для его природного состояния [7]. Последовал спонтанный и экстенсивный поиск новых способов взаимодействия между организмом и средой. К тому моменту, когда Эпоха Изобилия перешла в перенаселенную постэкзуберантную эпоху, стал очевидным невероятный масштаб эксперимента по протезированию человека, а также тот факт, что этот эксперимент несет с собой опасности и свои пределы [8].

Биологический вид со многими нишами

За несколько лет до моей встречи с велосипедистом в Северной Дакоте, я участвовал в конференции Американского общества натуралистов. К собравшимся обратился с речью калифорнийский генетик Дж. Ледьярд Стеббинс [9]. Темой его выступления было "Естествознание и эволюционное будущее человечества". Он смотрел на человеческий вид, как натуралисты смотрят на другие биологические виды, поднимая более или менее стандартный набор вопросов. Где присутствует человек? — спрашивает он. И отвечает: Везде. Почему человек занимает такую обширную нишу? Потому, что он может изменять свою окружающую среду. Когда он занял эту нишу? Много тысяч лет назад. Каким образом? С помощью инструментов, организуя себя в сообщества и решая проблемы путем предвидения. Будущее человека, по мнению Стеббинса, будет зависеть от улучшения его способности к социальной организации и от результата его борьбы с самообольщением; часто человек преследует привлекательные, но разрушительные цели.

Это выступление меня очень заинтересовало, но я ушел расстроенный, т.к. не согласился с его определением уникальности человеческой ниши. Как социолог, я хорошо чувствовал разнообразные возможности человека, и поэтому считал, что наш биологический вид заполняет не одну, а множество ниш.

В особенности это справедливо для современных индустриальных обществ, где человеческая жизнь характеризуется высокой степенью разделения труда и широким набором специальностей. Это имеет свои адаптационные преимущества. Если бы каждый автор выращивал свою пшеницу и выпекал свой хлеб для того чтобы иметь достаточно сил для добычи своей руды, выплавки своей стали для изготовления своей собственной пишущей машинки прежде чем сесть писать, то в мире было бы всего несколько пишущих машинок и несколько книг (возможно, по сельскому хозяйству, хлебопечению, горному и слесарному делу). Общеизвестно: если бы люди были на все руки мастера, фактически они не смогли бы ничего делать профессионально — насчитывалось бы всего несколько профессий и столько же специалистов.

Оказалось, что наш биологический вид способен вести себя так, как если бы его особи принадлежали к разным биологическим видам. Технология способствовала полезной дифференциации нашего биологического вида на множество "подвидов". Мужчина или женщина, обладая одним набором инструментов, могут выполнять один тип работы (заполнять одну нишу), в то время как человек с другим набором инструментов может выполнять другой тип работы (заполнять другую нишу).

Зеркальце на шапочке велосипедиста прояснило для меня ситуацию.

Я понял, что спор между сингулярностью человеческой ниши и множеством ниш разрешается, в зависимости от того, рассматриваются ли инструменты как способы модификации окружающей среды, либо как отдельные модификации людей для приспособления к тому или другому окружению.

В среде обитания может существовать большое разнообразие комбинаций человека и инструментов. Однако его можно интерпретировать двояко. С одной стороны, можно сказать, что инструменты помогли *Homo sapiens* упростить разнообразие мира, т.е. сделать все его части пригодными для жизни человека. С другой стороны, можно сказать, что те же самые инструменты помогли более или менее биологически однородному виду разнообразить себя и приспособиться к жизни в различных средах. Последняя интерпретация наиболее характерна для культурного антрополога или социолога. То есть, они считают, что генетически, *Homo sapiens* остается одним биологическим видом, но с помощью набора артефактов (и различных способов их использования) приобретает экологическое разнообразие. Социологи зашли, на наш взгляд, слишком далеко в этом определении. Они настолько превознесли способность человечества к культурному (и технологическому) разнообразию, что *Homo sapiens* стал для них существенно отличаться от других видов, а биологические законы стали игнорироваться. Социологи, находясь под впечатлением особой человеческой "гуманности", перестали замечать взаимовлияние между средой и организмами. Необходимо было заново его открыть, чтобы противостоять самообману, позволившему нашему биологическому виду преследовать разрушительные

цели (например, чрезмерно перекрывать естественную несущую способность).

Все организмы должны приспосабливаться к жизни; однако споры не прекращаются в отношении того, приспосабливается ли среда к организмам, или организмы к среде. Результат, впрочем, всегда обоюдный. Как мы видели в последнем разделе Главы 7, признание взаимного влияния среды и организмов отличает экологическую точку зрения, которая, после Эпохи Изобилия, с таким трудом принимается людьми.

Приспособление, или адаптация, означает, что нечто должно быть приведено в "соответствие" или "согласие" с чем-либо. В зеркальце велосипедиста я увидел модификацию (расширение) его органов зрения, а не модификацию его среды. Точно так же можно рассматривать заточенные кремни как дополнение к зубам или ногтям. Способы взаимодействия с окружающей средой тех, кто обладал кремниевыми ножами, отличаются от способа взаимодействия с окружающей средой тех, кто пользовался только зубами и когтями. После тысяч поколений, эти примитивные инструменты уступили место более сложным. Карманный ножичек, который я носил еще со школы, например, превосходил кремниевые ножи в такой же степени, как последние превосходили природные зубы и когти.

Человек изобрел артефакты, позволившие не только выполнять работу качественнее, чем его собственные органы, но также выполнять совершенно другую, не подвластную органам, работу. Нам не понадобилось развивать заднее зрение, чтобы иметь поле заднего обзора, и мы не развили у себя оперение на конечностях, чтобы летать. Большинство из нас свыклось с мыслью, что мы летаем благодаря самолету. Но когда пилот с тридцатилетним стажем называет пристегивание ремня безопасности в кабине "пристежкой DC-8 к талии35", становится ясно, что даже современный реактивный самолет можно рассматривать как некий усложненный протез. Мы могли бы рассматривать его как инструмент, модифицирующий для человека верхние слои атмосферы. Несущиеся сквозь разряженный воздух крылья делают его достаточно "твердым", чтобы выдержать вес пассажиров, а нагнетающие воздух насосы делают кабину пригодной для дыхания. С моей точки зрения, впрочем, самолет — это крылья-протезы, которые надевают, когда есть возможность полетать в среде, для которой мы не подготовлены генетически.

Если таким образом посмотреть на завоевание космоса, то "небольшой шаг человека и огромный шаг человечества" сделал не Нил Армстронг в 1969 г., выходя из модифицированной среды лунного отсека на неприветливую поверхность Луны, а фантастическая комбинация человека и инструмента (астронавт, заключенный в скафандр с системой жизнеобеспечения). С помощью принципа "самообособления и контроля", комбинация человека и инструмента повторила опыт морского существа, вышедшего однажды на сушу.

Измененная несущая способность

Через два миллиона лет после того, как предки *Homo sapiens* научились пря-мохождению (прежде всего благодаря инструментам), наш вид оставил следы

35 DC-8 — семейство первых коммерческих реактивных самолетов компании Douglas. — Прим. перев.

на Луне. Он также научился летать в компании из 300 — 400 человек на деловые конференции на противоположный конец континента или улетать в отпуск через океан, пристегивая к себе Боинг-747.

Если бы люди постэкзуберантного мира увидели в реактивном лайнере огромный протез, отделенный орган, возможно, они могли бы осознать реальную (экологическую) причину своего тяжелой участи.

Итак, десять тысяч лет назад Homo sapiens сделал прорыв, который увеличил (на некоторое время) несущую способность его среды обитания. Он научился сажать семена и управлять ростом растений, а не просто следовать природе. По мере того, как его знания в области ботаники накапливались, он изобрел улучшенные методы возделывания почвы. Простая лопата уступила место мотыге, та в свою очередь — деревянному плугу, прикрепленному к волю. Через тысячу лет после начала земледелия распашка земли в наиболее "развитых" странах стала осуществляться стальными плугами, приводимыми в действие тракторами.

Тем временем, Homo sapiens обнаружил, что есть и другие причины, по которым необходимо вскапывать землю. Кроме выращивания растений, люди захотели добывать из-под земли ископаемое топливо, в частности, уголь. Если лопата — протез, то и экскаватор — протез. Зависимость современного человека от "топливных площадей" чрезвычайно возросла, а экскаваторы стали невероятно мощными. Адвокат из шт. Кентукки написал в Atlantic Monthly в сентябре 1973 г. об индустриальном человеке как о "самом большом геологическом несчастье со времен схождения ледников". Вот как он описывает одну из шахтных машин, работающих в угольной компании центрального Огайо: "Машина была высотой с двадцатиэтажный дом. С помощью пятидюймового стального тросса она удерживала стрелу длиной 310 футов. С каждым вгрызанием в землю, она поднимала до 325 тонн "пустой породы" для освобождения запасов угля" [10].

С момента эволюционного прорыва и прихода человека несущая способность среды обитания постоянно изменялась. Человек стал зависим от своих инструментов, эта зависимость во многом определялась его новыми нишами. В самом широком смысле, следовательно, цель технологии заключается в увеличении человеком несущей способности своей среды обитания. Начиная от деревянного каноэ до реактивного скутера, от лопаты до мощного экскаватора, технология позволила человеческим существам добраться до тех мест, которые ранее были для них недоступны, и использовать материалы, которые ранее нельзя было использовать. Без технологии многие материалы никогда не стали бы "ресурсами".

Хорошего понемножку

Технологический прогресс пошел дальше простого метода захвата территорий — он привел к самоубийственному выкачиванию ресурсов. Способствуя ква-зи-обособленности, он, как

мы увидим далее, привел к чрезмерной квази-обособленности. Инструменты не гарантировали нам в будущем положительный адаптационный эффект. Способность к самообману, о которой упоминал Стеббинс, оказалась критически важной. Инструменты могли неправильно использоваться, а также приводить к ошеломляющему "успеху", который оказывался на поверку провалом.

Рассмотрим вначале неправильное использование инструментов. Возьмем, к примеру, производство и использование огня. С самого начала эти инструменты помогли человечеству размножиться и занять новые ниши. Они расширили список органических веществ, которые можно было использовать в пищу. С их помощью можно было производить энергию в теплокровном теле [11]. В конце концов, инструменты открыли доступ к временной несущей способности (ископаемое топливо). Но всегда оставалась вероятность случайного (или намеренного) злоупотребления. Огонь мог ранить, разрушать леса (которые люди считали "бесполезными") и т.д. После лесных пожаров по вине человека и потери влаги в обезлесенной местности, возникала эрозия почвы, приводящая к потере урожая.

Но существуют также и симбиотические (и даже хищнические и паразитические) отношения между человеком и инструментами, приводящие к дифференциации и взаимодействию "подвидов". Как следствие, возник еще один неожиданный феномен. Благополучие каждого человека более не зависит от того, что он получает от земли и воды. Оно зависит от того, что он может получить в результате обмена от других существ, обладающих другой специализацией. Какой бы продукт или услугу не производил специализированный субъект, теперь этого недостаточно для его существования. Человек должен покрывать некоторые свои потребности за счет других людей. В этом фундаментальный аспект современного человечества. Благодаря отношениям обмена, человеческие существа сами стали выступать как ресурс. Но когда люди определяют других людей как ресурс, согласитесь, у многих это вызывает осуждение.

В природе, однако, совершенно нормально, когда один вид становится ресурсом для другого. Львы едят зебр не потому, что львы отличаются особой порочностью, но потому что львы это львы (а зебры съедобны). Человек, будучи протезированным животным, обладает способностью (или подвержен) квази-обособленности, потому что разные люди используют разные инструменты. В результате, одни люди эксплуатируют (используют труд и ресурсы) других людей просто потому, что люди не похожи друг на друга.

Homo sapiens — вид, который увеличивает несущую способность своей среды обитания с помощью инструментов. Эта способность означает, что человек будет изобретать все новые инструменты и использовать других людей. Подобно тому, как мать, у которой отсутствует грудное молоко, будет использовать корову для своего ребенка, слепой будет использовать собаку в качестве поводыря, один человек будет использовать квалификацию другого человека и т.д. [12].

Один организм может служить протезом для другого. В социально разнородной среде, люди могут служить протезами друг для друга, хотя, конечно, никогда не выполняют роль простых протезов. Коровы и собаки обычно спокойно воспринимают свою роль инструментов, но люди могут противиться этой роли. Они будут отстаивать

неинструментальные (гуманистические) аспекты жизни. Поэтому человеческая способность к квази-обособленности всегда обладает внутренним противоречием. Протезная дифференциация людей явилась причиной несчастий человеческого рода в гораздо более эндеми-ческом смысле, чем "противоречия", которые марксизм приписывает капитализму, либо коварство, которое лидеры "свободного мира" приписывают авторитарным режимам.

Этот аспект человеческой природы, позволивший *Homo sapiens* стать доминирующим, в то же время, привел к шаткости, если не фатальности, нашего положения. Возможно, именно квази-обособленность не позволит ему избежать разрушения окружающей среды и остаться гуманным.

А это возвращает нас к проблеме успеха, который ведет к провалу. Человечество значительно укрепилось благодаря принципу "самообособления и контроля" и широкому набору отделенных органов, многие из которых фантастически сложны и невероятно масштабны. Огромная часть биосферы оказалась обособленной от ее остальной части и контролируется системами, состоящими из людей-инструментов. Такая ситуация, рано или поздно, должна была поставить нас в зависимость от природных ограничителей. Вера в иллюзорность наших бесконечных возможностей только ускорила нашу встречу с природными ограничителями, спровоцировав ускоренное потребление ресурсов.

Для всех организмов необходимость поддержания некоторого постоянства условий внутри системы требует существования "внешней среды". Поддержание постоянства внутри системы происходит за счет процессов импорта и экспорта материалов и энергии, компенсирующих изменения внутри организма. Жизнь всегда зависит от возможностей живых систем получать "ресурсы" из своего окружения и выделять отработанные вещества (имеющие ауток-сичные свойства) в окружающую среду. Поэтому преимущества самообособления системы всегда зависят от достаточного внешнего пространства. Слишком большое число или размер систем сводят на нет эти преимущества, уменьшая отношение "окружающая среда/система". (Для тех, кто использует термин "эксплуатация" в политическом, а не в экологическом, смысле, важность данного положения остается скрытой).

"Успех" *Homo sapiens* вызвал обособление беспрецедентной по своим размерам части окружающей среды для постоянно расширяющихся систем людей-инструментов. "Внешней" среды остается все меньше. Ирония заключается в том, что технология, первоначально явившаяся средством увеличения несущей способности на один акр пространства, или на одну тонну ресурсов, расширила пространство для человека-окупанта, но увеличила потребление ресурсов для человека-потребителя.

Человек постэкзуберантного мира обнаружил, что правила игры изменились. Правило, согласно которому любая новая технология обязательно увеличивает несущую способность среды обитания, уже не работает. Например, самолеты, летающие со скоростью 500 миль/час, быстрее загружают воздушные линии, чем самолеты, летающие со скоростью 150 миль/ч. Экскаватору, вынимающему 325 тонн за одно погружение, требуется меньше времени для разрушения ландшафта, чем, скажем, человеку с лопатой.

До сих пор человек жил в мире, несущая способность которого определялась производением ресурсы x технология. "Успех" человека изменил мир, и теперь несущая способность определяется отношением ресурсы/технология. Сложное положение человечества не определяется более мальтузианским расширением населения при фиксированных пределах несущей способности среды. Теперь ситуация еще более усложнилась из-за того, что рост населения и увеличивающаяся технологическая мощь уменьшают несущую способность среды обитания.

Человеческое сообщество находится в процессе перманентной сукцессии, вызванной протезированием, или использованием инструментов. Чем более мощными становятся человеческие технологии, тем быстрее человек превращается в колосса. Каждый человеческий колосс требует больше ресурсов и большего пространства. Сравните действие на окружающую среду огромных машин Угольной Компании Центрального Огайо и людей каменного века, населявших ту же область. И здесь неважно, были ли индейцы более добродетельны, чем белые — они просто не были колоссами.

Вообразим себе, что человечество вдруг прошло мутации, в результате которых дети стали в два раза выше своих родителей, а, значит, требуют в два раза больше пищи и одежды. Представим, далее, что каждое последующее поколение становится в два раза выше и прожорливее, чем предыдущее. Совершенно ясно, что несущая способность мира для последующих поколений гигантов сокращается. Также очевидно, что ни традиционные политические схемы, ни революционная пропаганда не может существенно облегчить ситуацию.

Возможно, нам следовало бы называть себя не *Homo sapiens*, а *Homo colossus*. Но главное: нам надо прекратить витать в облаках и считать себя то голой обезьяной, то падшим ангелом; это позволило бы распознать разрушительный характер наших инструментов.

Версия #1

Зверобой создал 21 апреля 2025 22:42:24

Зверобой обновил 21 апреля 2025 22:44:52